

Глава 65. Перспективы

Корги сидел у ног своей маленькой хозяйки.

Раз грибы не появлялись, он насторожённо следил только за Ли Фэем. Цзянь Хуа был для него всего лишь прохожим.

Что касалось связи между Цзянь Хуа и грибами, то корги... пока ещё в ней не разобрался!

Он был очень умён. Однако даже умная собака не могла понять связи между людьми и грибами: мама девочки ходила в супермаркет и приносила две упаковки грибов, и вся семья с радостью ела грибной суп.

Корги боялся самих грибов. Подсознание твердило ему, что грибы ужасны.

Способность Цзянь Хуа лучше всего умела скрываться. Она могла обмануть даже точные приборы, улавливающие энергетические колебания. Корги не чувствовал угрозы от силы Цзянь Хуа и, естественно, переводил взгляд на Ли Фэя.

Он был настороже, его спина была слегка выгнута, и он ни на миг не ослаблял бдительности.

Необычайную историю этого корги Ли Фэй восстановил, сопоставив обстоятельства пробуждения носителей способностей, поведение проникших в книгу, кризис Зброшенного Мира и, наконец, слова девочки.

Во-первых, носители способностей ранга А и выше, даже если они попадали в Зброшенный Мир впервые и ещё не покинули его, имели шанс пробудить способность непосредственно там. Во время взрыва в отеле «Жемчужина» в Хуайчэне способность пробудилась не только у Ли Фэя, но и у Гэн Тяня, просто у последнего это произошло не так эффектно.

Сила способностей в Зброшенном Мире в несколько раз превосходила их силу в реальном мире.

Точно так же и боль от прямого пробуждения в Зброшенном Мире была гораздо сильнее — таково было предположение Ли Фэя. То, что носитель S-ранга сумел пережить при пробуждении, для Гэн Тяня с его рангом А вылилось в мучительную головную боль, и в конце концов он даже потерял сознание от невыносимой боли.

Пробуждение не завершилось полностью. Строго говоря, Гэн Тянь лишь использовал базовую психокинетическую силу своей способности, чтобы взломать дверь.

Девочка сказала, что на них напало множество обезьян, и упомянула, что корги весь светился.

На кону стояла жизнь, пробуждение способности было совершенно нормальным.

Ненормальным было то, что девочка считала корги больным, а после «пробуждения» он «выздоровел».

Зачем собаке во время болезни изучать журнал с Ли Фэем на обложке?

Корги знал Ли Фэя и боялся грибов. Он был похож на проникшего в книгу, который знал личность босса, но при этом был самой настоящей собакой — быстро бегал, обладал острым нюхом и был предан своей маленькой хозяйке.

Всё это вместе взятое указывало на то, что здесь когда-то побывал проникший в книгу, а затем таинственно исчез.

Собака не ела, не пила, не могла стоять и бегать, но при этом не была больна. Разве это странно? Вовсе нет. Когда человек внезапно превращается в собаку, с двух ног переходя на четыре, было бы странно, если бы он мог ходить!

Даже просто наклониться и поесть собачий корм из миски было нелегко. Другая профессия — всё равно что другой мир, а тут и вовсе другой биологический вид.

Опрокинуть миску, не суметь донести еду до рта, рассыпать всё вокруг — совершенно нормально... Вполне естественно, что у человека, превратившегося в собаку, была психологическая несовместимость.

В Глазах Дьявола Ли Фэя корги обладал огромной силой, стабильной формой и никакими отклонениями.

Видеть, был ли человек подменён проникшим в книгу, Глаза Дьявола на самом деле не могли.

Лю Шань говорила, что в этот мир пришла её душа.

Душа, возможно, могла изменяться в зависимости от силы. Какую именно часть Глаза Дьявола видели как душу, Ли Фэй и сам не мог точно сказать. Если бы в теле находились две души, Ли Фэй, возможно, и не смог бы их различить. Но разница между душой собаки и душой человека была колоссальна! Не увидеть этого — значило бы быть слепым!

Этот корги был действительно собакой.

Куда делся исчезнувший проникший, Ли Фэй не мог предположить. Но как проникший исчез — в этом он был совершенно уверен. Во время пробуждения способности психическое напряжение и стимуляция были слишком сильны, и сознание субъекта отключилось.

Какова была совместимость человеческой души с телом собаки?

Вспоминая то поразительное зрелище в вестибюле театра, когда корги освободился от грибницы, — способность Изгнания позволяла ему на короткое время полностью игнорировать атаки других способностей.

Эта способность действительно заслуживала ранга А, даже если её носителем была собака.

Степень силы не достигала ранга S, вероятно, потому что это была пассивная защита. Даже если бы её можно было использовать в бою, она не могла бы нанести противнику реальный физический вред.

Было ли это сильное желание проникшего в книгу изгнать Длинноруких Обезьян, вызвавшее пробуждение способности, или же инстинкт корги защитить свою хозяйку, изгнавший того, кто захватил его тело? Где была душа корги и как она вернулась — этот вопрос предстояло исследовать «Красному Дракону».

Цзянь Хуа молча подумал, что эта собака, возможно, станет секретным оружием государства, специально предназначенным для борьбы с проникшими в книгу.

— Дело Лю Шань можно решить.

— Не обязательно, — Ли Фэй покачал головой. Он не соглашался с мыслью Цзянь Хуа. — Пока что мы видим, что он может изгонять лишь те способности, которые принадлежат «нереальному миру». Его победа над проникшим в книгу была случайностью.

Другой захватил его тело, а затем по чистой случайности столкнулся со способностью такого странного свойства. Это была просто злая насмешка судьбы.

Две души боролись за тело собаки — мог ли человек победить собаку? К тому же проникший в книгу совершенно не умел «пользоваться» телом корги. Пока одна сторона слабела, а другая усиливалась, исход — кто погибнет, а кто исчезнет — был практически предрешён.

— Если так... — Цзянь Хуа необычайно замешкался.

— Ты не хочешь сообщать об этом «Красному Дракону»?

Цзянь Хуа долго молчал, а затем вздохнул:

— Они рано или поздно встретят других людей.

Девочка с корги попрощались с ними. Ей было всего семь или восемь лет. Больше всего она хотела, чтобы её Туань-Туань был жив и здоров, чтобы с её семьёй всё было в порядке. О вещах слишком далёких и масштабных девочка не могла думать.

Слишком опасные задания девочка не хотела поручать своему корги.

Когда коротколапый корги бежал, он непроизвольно вилял задом, и его трусящая рысца была и радостной, и умилительно нелепой. Так корги и вёл девочку за собой, огибая паутину и уходя вдоль тротуара куда-то вдаль.

Пока гигантский паук обосновался здесь, поблизости не было ни одного монстра, и Цзянь Хуа не беспокоился, что они попадут в беду.

Даже если бы и попали, корги мог бы легко с ней справиться.

Город был безмолвен, никаких признаков жизни.

Крошечная человеческая фигурка и крошечный корги уходили в неизведанный мир.

В Зброшенном Мире не было покоя. Корги и его маленькая хозяйка рано или поздно встретят других носителей способностей. Их существование будет трудно скрыть. Но это мгновение тишины и спокойствия Цзянь Хуа не хотел нарушать.

По крайней мере, не своими собственными руками.

Ли Фэй наблюдал за сменой выражений на лице Цзянь Хуа. Он всё острее чувствовал, насколько омерзителен «оригинал».

Цзянь Хуа был человеком без амбиций. Если его жизнь была спокойной и приносила удовольствие, у него не было лишних требований. Даже если общество было суровым, работа изнурительной, а в кругах было трудно вращаться, пока никто не переступал его границы, Цзянь Хуа это мало заботило.

Это не было похоже на добродушного простачка, и не было слабостью характера. Просто вещи, за которые другие люди бились до крови, становились врагами и не гнушались никакими средствами, — Цзянь Хуа они были совершенно неинтересны.

Такие предпочтения, такой характер — в наше время редко кого встретишь подобного. Его почти можно было назвать редким, исчезающим видом.

Он был чуть-чуть не в ладу со всем обществом.

Держался вне кругов славы и выгоды, но не выглядел высокомерным или заносчивым. Цзянь Хуа не презирал тех, кто гнался за славой и богатством. Для него это был просто иной образ жизни, который люди выбирали.

Как и с вопросом «какой вкус кофе вы любите пить?» — за пределами этого вопроса существовали и люди, которые в принципе не любили пить кофе, разве нет?

И такой человек был самым злым боссом в целой серии романов.

Хотя Ли Фэй уже проанализировал причину, по которой он стал боссом, именно из-за этого ярость, копившаяся в глубине его души, становилась только сильнее.

— Что с тобой?

На этот раз даже Цзянь Хуа заметил, что Ли Фэй смотрит на него как-то не так.

Эмоция была сложной, трудно выразимой словами. Это не был взгляд, который бросают на друга.

Многолетняя безупречная маска кино-императора дала трещину. Он сделал глубокий вдох, быстро вернул себе прежний вид и лёгким тоном сказал:

— Когда человек узнаёт, что после его смерти найдётся тот, кто за него отомстит, трудно не проникнуться к этому человеку тёплыми чувствами.

Эти слова были правдивы. Цзянь Хуа с этим согласился.

— Благодарность, удивление, чувство вины...

— Чувство вины? — Цзянь Хуа нахмурился, слегка озадаченный.

Благодарность легко понять. Удивление — тоже несложно. А вина-то откуда?

— Потому что этот человек, чтобы отомстить за друга, в конце концов тоже погибает, — с невозмутимым видом произнёс Ли Фэй.

— ...

Цзянь Хуа инстинктивно хотел возразить. Он был осторожным человеком. И, в отличие от Ли Фэя, которого повсюду узнавали, его способность к скрытности была очень высока, не говоря уже о Поглощении.

Даже если он и не любил грибы, он признавал, что эта способность была чудовищно сильна.

Со временем грибы разрастутся по всему Заброшенному Миру, и повсюду будет его безопасная зона. Убить его станет почти невозможно.

Но —

Пасть от руки главного героя в качестве финального злодея — таков был стандартный финал для американского героического романа!

Так что Ли Фэй был совершенно прав. Босс, которому не удалось отомстить за друга, падёт к ногам главного героя и станет самой яркой главой в списке его великих подвигов.

Это осознание чрезвычайно удручало Цзянь Хуа. Инстинктивно он сказал:

— Может, автор хотел написать продолжение?

Ли Фэй: ...

Быстро прокрутив в памяти типичные отличия продолжений американских героических саг от основного сюжета, Цзянь Хуа поднял голову и добавил:

— В продолжениях вероятность воскрешения первоначального босса составляет тридцать процентов. Вероятность того, что приспешники босса вернутся, — десять процентов. Оставшиеся шестьдесят процентов приходятся на случаи, когда за спиной босса стоит ещё более крупная тёмная фигура или сила.

— Пфф! — Кино-император не удержался от смеха.

Шаблоны киношных сиквелов действительно были именно таковы.

— Итак, либо я не умер...

— Ты инсценировал свою смерть, сбросил золотую оболочку цикады, а сам ждал удобного случая, чтобы, застигнув главного героя врасплох, снова повергнуть мир в хаос, — Цзянь Хуа находил эту тему поистине очень интересной. Шутить с Ли Фэем было тоже очень приятно.

Они снова направились к государственному театру Хайчэна, чтобы разобраться с гигантским пауком.

Разговор продолжался по пути.

— И вот я, инсценировавший свою смерть, снова появляюсь перед главным героем. Не должен ли я тогда высмеять его интеллект, а также твою наивность? Мол, вы и вправду поверили, что я умер, а на самом деле я ждал, когда вы перегрызёте друг друга, взаимно истощите силы, а сам я был тем самым богомолем, что охотится на цикаду, не ведая об иволге позади?

Цзянь Хуа поправил:

— Главный герой — американец. Не используй китайские классические аллюзии.

— Не поймёт, пусть возьмёт переводчика.

— Автор тоже американец. Он не сможет написать такую фразу. У тебя вообще не будет возможности её произнести!

— ...Откуда ты знаешь, если не попробовать изменить? — небрежно ответил Ли Фэй.

Они шли рядом. Цзянь Хуа заразился этой атмосферой, этим ощущением «ближе, чем друзья». Много ли на свете людей, с которыми можно было бы вот так непринуждённо обсуждать свою смерть ради другого?

Стали бы так говорить обычные друзья?

Хотя всё это было лишь книгой, обстоятельства были особенными.

— Каких перемен ты хочешь? — спросил Цзянь Хуа после целых полуминуты глубоких раздумий. — Убить главного героя?

— Просто выжить. Неважно, кто именно.

Цзянь Хуа удивлённо обернулся, не веря, что эти слова сорвались с губ Ли Фэя.

Скорее уж они подходили ему самому. Дней, проведённых вместе, было достаточно, чтобы Цзянь Хуа узнал, что за человек Ли Фэй.

Ли Фэй был честолюбив и способен. Никогда и ни при каких обстоятельствах он не признал бы себя слабым. Заставить его подчиниться судьбе было нелегко, не говоря уже о каком-то пафосном, идеалистическом оригинальном романе.

— Человек прежде всего должен жить, и только потом можно говорить о чём-то другом, — с глубоким, скрытым смыслом добавил Ли Фэй.

<http://bllate.org/book/13215/1777196>